

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-545-561

Научная статья / Research article

Восприятие российскими пользователями социальных медиа массовых протестов при попытке государственного переворота в Казахстане

Е.В. Бродовская² , Р.В. Парма² , К.А. Подрезов¹ ,
М.А. Давыдова²

¹Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Российская Федерация,

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
 brodovskaya@inbox.ru

Аннотация. Контекст исследования обусловлен существенным пересечением российских и казахстанских сегментов социальных медиа и взаимным влиянием политических процессов. В условиях политической мобилизации массовых протестов в Казахстане, переросших в попытку государственного переворота, активизировалась деятельность российских контролит в различных субъектах Российской Федерации. Применение гибридной стратегии исследования в сочетании когнитивного картирования и социально-медийного анализа позволило выявить динамические, структурные и содержательные характеристики репрезентации событий в Казахстане в российских социальных медиа. По результатам исследования авторами сделан вывод о том, что масштабность протестов в Казахстане позволила привлечь кратковременный интерес российской аудитории преимущественно в приграничных регионах. Использование экономических триггеров (рост цен, неэффективная социальная политика и др.) обусловило вовлечение взрослой аудитории в обсуждение казахстанских событий, существенная часть младшей и старшей молодежи была выключена из информационных потоков, посвященных событиям в Казахстане. В ходе исследования была выявлена попытка российских оппозиционных акторов через применение манипулятивной технологии «заражения» экстраполировать политико-экономическое недовольство в Казахстане на ситуацию в Российской Федерации. При этом наибольший резонанс в российском сегменте пользователей был вызван непосредственно включением Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в процесс урегулирования внутривнутриполитического конфликта.

Ключевые слова: массовые протесты, государственный переворот, социальные медиа, дискуссии, информационный поток, социально-медийный анализ, технологии манипуляции

© Бродовская Е.В., Парма Р.В., Подрезов К.А., Давыдова М.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бродовская Е.В., Парма Р.В., Подрезов К.А., Давыдова М.А. Восприятие российскими пользователями социальных медиа массовых протестов при попытке государственного переворота в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 545–561. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-545-561>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33041 «Цифровые платформы как инструмент мобилизации протестных настроений граждан Республики Беларусь и Российской Федерации в 2020–2021 гг.».

Perception by Russian Social Media Users of Mass Protests During the Attempted Coup in Kazakhstan

Elena V. Brodovskaya¹ , Roman V. Parma² , Konstantiv A. Podrezov¹ ,
Maria A. Davydova²

¹ *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation,*

² *Financial University under the government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 brodovskaya@inbox.ru

Abstract. The article presents the results of an applied political research on the representation of the 2022 Kazakh events in the Russian segment of social media. The context of the study stems from the significant intersection of the Russian and Kazakh segments of social media and the mutual influence of political processes. Under the political mobilization of the mass protests in Kazakhstan, which turned into an attempted coup, the activities of Russian counter-elites intensified in various regions of Russia. Using a hybrid research strategy combined with cognitive mapping and social media analysis the authors managed to identify dynamic, structural and substantive characteristics of the information representation of the Kazakh events in the Russian segment of the Internet. The authors concluded that the scale of the Kazakh protests allowed to draw the short-term interest of the Russian audience, mainly from the regions bordering Kazakhstan. The use of economic triggers (rising prices, inefficient social policy, etc.) led to the involvement of the adult audience in the discussions around the Kazakh events, while a significant part of youth and young adults was excluded from information flows around the events. The study revealed that the Russian opposition attempted to use manipulative “contamination” technology in order to extrapolate the political and economic discontent in Kazakhstan to the situation in Russia. At the same time, the greatest resonance in the Russian segment of users was caused directly by the participation of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in the settlement, and not by the social and economic triggers that led to the events.

Keywords: mass protests, coup d’etat, social media, discourses, information flow, social media analysis, manipulation technologies

For citation: Brodovskaya, E.V., Parma, R.V., Podrezov, K.A., & Davydova, M.A. (2022). Perception by Russian social media users of mass protests during the attempted coup in Kazakhstan. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 545–561. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-545-561>

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR and the EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-33041 “Digital platforms as a tool for mobilizing protest sentiments of citizens of the Republic of Belarus and the Russian Federation in 2020–2021.”

Постановка проблемы

За свою постсоветскую историю Казахстан переживал различные кризисные ситуации. Вместе с тем кризис начала января 2022 г. был настолько стремительным и радикальным, что угрожал скатыванием страны в состояние гражданской войны.

С одной стороны, события в Казахстане в начале января текущего года соответствуют по своим целям (смена режима), масштабам протестной мобилизации (были мобилизованы граждане в большинстве регионов Казахстана) и, отчасти, по примененным технологиям (первоначально мирный ненасильственный протест, социальные сети как инструмент мобилизации, пул манипулятивных технологий) так называемым «цветным революциям». С другой стороны, у несостоявшегося в Казахстане благодаря, прежде всего, усилиям РФ и других стран ОДКБ государственного переворота есть свои характерные особенности. Обращает на себя внимание время разворачивания данных событий — начало января 2022 г. Например, период Евромайдана в конце декабря 2013 г. — начале января 2014 г. — это период отката массовой волны протеста, при котором люди покинули площади и улицы Киева. И только с помощью масштабной мобилизации в социальных медиа их вернут обратно в офлайн уже ближе к середине января, когда на «народном сходе» произойдет символическая передача власти лидерам неконвенциональной оппозиции. В Казахстане мы наблюдали старт массовых протестов в самом начале января. При этом очень нетипичной для разворачивания «цветных» сценариев выглядит динамика процессов в Казахстане. Скорость масштабирования протеста: от локального, охватывающего преимущественно западные территории — к общенациональному; скорость конверсии репертуара протеста: от экономических требований — к политическим; скорость трансформации характера действий: от «мирного» протеста — к бандитизму, мародерству, терроризму. Такие скорости распространения и переформатирования протеста свидетельствуют о его подготовленности и управляемости, что выразилось в оперативном разворачивании протестных сетей в социальных медиа, высокой подготовленности и организованности участников протестных акций, не только публично выразивших недовольство реализуемой политикой, но и оказавших централизованное сопротивление органам правопорядка и захватившим административные здания.

Раскол элит, деморализация силовых структур, распространение хаоса усугубляли сложившуюся в Казахстане ситуацию и требовали решительных мер. Интересно, что своего рода «репетицией» обуздания неконвенционального протеста в Казахстане стали действия Н. Назарбаева в 2016 г., президента РК на тот момент. В ответ на массовые несанкционированные протесты и события в Актобе участие в подобной деятельности было приравнено к терроризму. Специфика

ситуации в 2022 г. заключается в том, что президент К.-Ж. Токаев, в том числе под влиянием консультаций с лидерами стран ОДКБ и, прежде всего, с Россией, через официальное информационное сопровождение январских событий провел водораздел между протестующими и террористами.

Как данные события восприняли российские пользователи социальных медиа? Отразились ли массовые протесты в Казахстане на протестных настроениях российских юзеров глобальной сети? Какие группы россиян оказались вовлечены в информационный поток вокруг кризиса в Казахстане начала 2022 г.? Эти и другие исследовательские вопросы потребовали реализации эмпирического исследования цифровых следов в российском сегменте социальных медиа.

Обзор современных исследований

В современных российских и зарубежных исследованиях особое место занимает изучение влияния социальных медиа на гражданскую активность, в частности политические протесты. В существующей действительности социальные сети способствуют трансформации существующих моделей политической и гражданской активности [Castells 2015: 218–234].

Развитие цифровой среды во многом предопределило расширение возможностей для гражданского неполитического вовлечения в общественную активность, что становится основой для участия в политических действиях [Theocharis 2015: 1–14]. Цифровая среда способствует росту общественной активности граждан, усилению поляризации и протестных настроений в обществе [Boulianne 2017: 1–16].

Сервисы информационных сайтов и платформ социальных медиа способствуют оперативному распространению информации среди различных пользователей, а доступный порог входа в виде низкой стоимости позволяет рассматривать данные ресурсы как альтернативу традиционным СМИ в контексте распространения политической информации. Кроме того, функционал социальных медиа позволяет осуществлять вовлечение пользователей и управление ими в рамках протестной активности, а также подкреплять протестную деятельность распространяемыми эмоциональными и мотивационными сообщениями.

События от «Арабской весны» до протестов в Белоруссии 2020 г. подрывают тезис о слактивизме пользователей (слактивизм (диванный активизм) — практика поддержки политической или социальной активности через социальные сети или онлайн-петиции, не требующая усилий и принятия дополнительных обязательств). Социальные медиа рассматриваются исследователями как эффективный инструмент организации и управления протестами [Andres 2017: 55]. Последние эмпирические исследования выделяют прямую связь между усилением цифровизации социально-политической сферы и ростом онлайн гражданской активности, имеющей кликтивистский характер (т.е. предполагающей исключительно онлайн-участие посредством лайков, комментариев или репостов).

При этом исследователи отмечают, что наметился переход молодого поколения от традиционных форм политического участия к различным альтернатив-

ным формам от подписания онлайн-петиций до участия в цифровых демонстрациях [Sloam 2016: 521–537].

До сих пор остается актуальным вопрос о природе конверсии различных форм политического участия в реальной и цифровой средах. По результатам исследований широкие сообщества, построенные на дружеских связях и заинтересованности влияют на рост офлайн политической активности. В то время как сообщества, основанные исключительно на заинтересованности, во многом будут более активны в политическом участии онлайн [Kahne, Bowyer 2018: 1–24]. При этом «слабые сети» цифровых коммуникаций позволяют решать задачу по вовлечению пользователей в общественную и политическую активность. Сетевые структуры, создаваемые цифровыми платформами, способствуют формированию коллективных целей и идентичностей, которые способны становиться источником протестного потенциала для предстоящих акций [Ахременко, Стукал, Петров 2020: 73–91].

Особую роль в активизации цифровой активности пользователей выполняют содержательные характеристики информационного потока, которые во многом формируются на основании различных манипулятивных технологий и приемов. Э. Лакло и Ш. Муфф обозначили, что дискурс решает ряд социальных задач, оказывая на индивидов информационно-психологическое воздействие. Ключевая цель политического дискурса сводится к убеждению и побуждению действовать [Laclau, Mouffe 2001: 47–93].

В рамках концепции критического дискурс-анализа дискурс рассматривается как коммуникативное событие, происходящее в ходе коммуникативного действия в конкретном временном и пространственном контексте [Fairclough 1995: 85–183]. При этом информационное воздействие понимается Дейком как манипуляция, основная задача которой — формирование конкретных установок на идеологическое подчинение [Дейк 2013: 46–88].

Методология и методика исследования

Методологической основой исследования выступает комбинация сетевого подхода, когнитивного подхода и теории дискурсивной психологии. Сетевой подход, отражающий гибридизацию медиасферы и мобилизационную природу цифровых коммуникаций для выявления противоречий, связанных с управляемыми/стихийными, однонаправленными/разнонаправленными и противоборствующими/кооперативными информационными социально-медийными потоками. Данный подход устанавливает правила интерпретации силы и плотности связей между участниками цифровых/нецифровых сообществ с позиций общности разделяемых ценностей внутри социальных сетей [Howard 2010: 132–157]. Когнитивный подход, нацеленный на исследование базового противоречия цифровой эпохи — соотношения рационального (построенного на логике и разумной аргументации), иррационального (построенного на эмоциях) и псевдорационального (построенного на разумной аргументации, опосредованной эмоциональными приемами) компонентов в стратегиях онлайн-пользователей

[Dalton 1984: 264–284]. Теория дискурсивной психологии позволяет анализировать дискурсы, формируемые представителями различных социальных и национальных групп с учетом специфики перцепции социальной действительности [Harre 1986: 2–14].

Методика исследования строилась в соответствии с гибридной исследовательской стратегией, заключающейся в сочетании качественных и количественных методов. Основу исследования составили когнитивное картирование и социально-медийный анализ.

На первом этапе было реализовано когнитивное картирование [Лукушин, Давыдова 2021: 47–49] цифрового контента в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram¹, а также мессенджере Telegram. Применение данного метода позволило определить содержательную специфику построения информационных потоков сообществами, которые генерировали контент о событиях в Казахстане; выделить основные дискурсы, использованные российскими социальными медиа в процессе освещения январских событий в Казахстане; проанализировать структуру информационного потока; а также основные технологии и приемы, которые позволили обеспечить вовлечение российских пользователей в информационные потоки о событиях в Казахстане. Для анализа были отобраны аккаунты различных типов: оппозиционные сообщества, информационные агентства, СМИ-иноагенты (признанные в период до 15.01.2022 г.), сообщества протестных лидеров общественного мнения. Датасет составил 600 публикаций. Глубина анализа 02.01.2022–15.01.2022.

На втором этапе был применен социально-медийный анализ [Бродовская, Домбровская 2018]. На основании словаря поисковых запросов, полученного по результатам когнитивного картирования через применение сервиса социально-медийной аналитики IQBuzz, были осуществлены выгрузки интернет-контента. Также для реализации социально-медийного анализа был использован сервис Google.Trends. Глубина выгрузки 27.12.2021–01.02.2022. Социально-медийный анализ позволил определить структурные и динамические особенности информационных потоков, а также характеристики аудитории вовлеченных в них. Датасет составил 100 тыс. сообщений.

Основные результаты

По результатам применения социально-медийного анализа были выявлены динамические характеристики российских информационных потоков о событиях в январе 2022 г. в Казахстане. Как показывает динамика цифрового потока, наибольшее количество публикаций приходится на период с 4 по 7 января (рис. 1). Именно в эти даты разворачивается основной этап протестов в Казахстане, которые из экономических становятся политическими, затем трансформируясь в попытку военного переворота с актами мародерства, грабежами и разрушениями.

¹ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

В последующие дни информационные потоки вокруг событий в Казахстане существенным образом сокращаются, до 15 января агрегаторам цифрового контента удается сохранять интерес на основании реализации миротворческой операции ОДКБ, в том числе сил России, по стабилизации ситуации и сохранению государственных и стратегических объектов Казахстана.

Результаты анализа веса и динамики информационных потоков вокруг событий в Казахстане показывают, что, несмотря на то, что на территории России в этот период продолжались новогодние праздники, российские пользователи активно включились в обсуждение происходящих событий. При этом сформировались две ключевые линии обсуждения: первая линия была построена на информационном освещении происходящих событий с преимущественно нейтральной повесткой; вторая — на представлении протестных событий в Казахстане как ролевой модели для россиян. Информационные потоки, поддерживающие протестные действия жителей Казахстана, были наполнены несколькими ключевыми темами: экономические требования граждан Казахстана как пример того, что должны требовать россияне; сравнение протестных действий граждан Казахстана и Белоруссии с позиции большей решительности граждан РК; проведение параллелей между руководством Казахстана и России; критика действий ОДКБ. Фактически модераторы оппозиционных сообществ, а также СМИ-иноагенты осуществили попытку протестной мобилизации российских граждан в контексте событий в Казахстане. Подобный сценарий уже был реализован в ходе событий в Республике Беларусь в 2020 г., когда участие белорусов в политических протестах становилось подкрепительным триггером для протестующих в Хабаровском крае [Бродовская, Давыдова, Еремин 2021: 6–13].

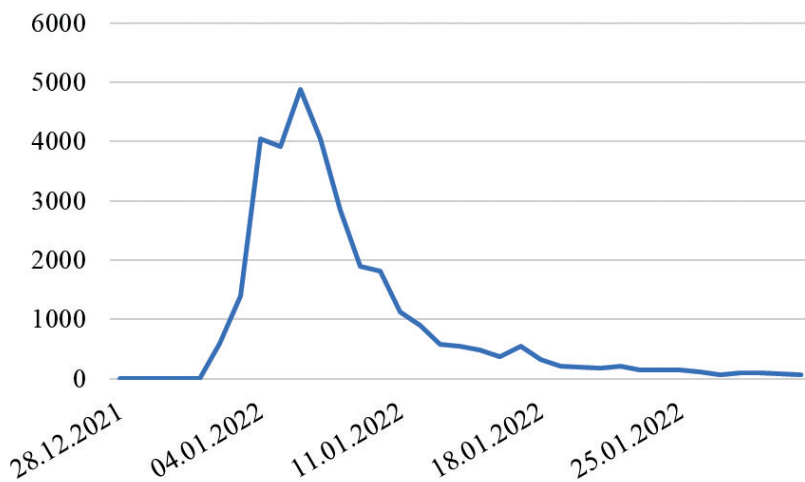

Рис. 1. Динамика российского информационного потока вокруг событий в Казахстане в январе 2022 г. (количество сообщений/дата)

Источник: составлено авторами по результатам исследования

Fig. 1. Dynamics of the Russian information flow about the events in Kazakhstan in January 2022

Source: compiled by the authors based on research results.

Цифровая инфраструктура представлена преимущественно социальной сетью «ВКонтакте», которая аккумулировала около 90 % контента, референтного протестам в Казахстане. 10 % информационных потоков были сосредоточены в социальных сетях «Одноклассники», Twitter, социальном медиа «Живой журнал» и др. Необходимо подчеркнуть, что существенная часть цифрового контента, поддерживающего действия жителей Казахстана, артикулировалась в мессенджере Telegram, специфика конфиденциальности которого не позволяет осуществлять анализ информационных потоков данной площадки.

Информационный поток формировался сообществами разных типов. Первый тип — протестные сообщества, активность которых традиционно нацелена на формирование информационных потоков, критикующих действующую государственную политику. Второй тип — СМИ-иноагенты — также участвовали в презентации событий в Казахстане с точки зрения прозападной позиции. Третий тип сообществ — информационные агентства, которые обеспечили новостное сопровождение событий. Четвертый тип — иностранные СМИ на русском языке, которые демонстрировали события в Казахстане с позиции европейских СМИ и медиа, к данному типу могут быть отнесены Русская служба ВВС, а также Telegram-канал «Nexta», выполняющий роль модератора в белорусских протестах 2020 г. и включившийся в модерацию казахских протестов; а также лидеры общественного мнения, преимущественно оппозиционно настроенные, выражающие поддержку гражданам Казахстана.

Результаты анализа цифровой инфраструктуры показывают, что информационное освещение протестов в Казахстане во многом было обеспечено со стороны модераторов информационных потоков, традиционно осуществляющих протестную и оппозиционную мобилизацию российских пользователей. Модераторы оппозиционных российских информационных потоков предприняли попытку вовлечь россиян в протестные действия, экстраполируя общественное недовольство среди казахских граждан.

Наибольший интерес к событиям в Казахстане продемонстрировали регионы России, расположенные наиболее близко к границам Республики. По результатам выгрузки из сервиса Google.Trends наиболее вовлеченными в процесс обсуждения событий в Казахстане стали граничащие с ним регионы: Омская область, Алтайский край, Новосибирская область, Республика Алтай, Оренбургская область. Содержательный анализ потоков показывает, что информационная активность пользователей из данных регионов обуславливалась наличием родственных связей и оценкой рисков в контексте близости границ, однако почти не предпринимались попытки использовать казахские протесты как триггер для протестной мобилизации россиян в этих регионах.

Говоря про аудиторию информационного потока, ее основным ядром стала возрастная группа 36–45 лет, пользователи в данном диапазоне были преимущественно включены в обсуждение происходивших событий (рис. 2). Вовлечение в информационные потоки о событиях в Казахстане пользователей 36–45 лет обосновывается тем набором триггеров, который был использован для мобилизации казахских протестов, а конкретно — ростом цен на энергоресурсы, недо-

вольством социально-экономической ситуацией. Младшие возрастные группы, а конкретно старшая молодежь (26–35 лет) начинает активно включаться в обсуждение протестов в Казахстане, когда социально-экономические триггеры дополняются дискурсами о политике, правовых аспектах, а также включением ОДКБ в урегулирование ситуации.

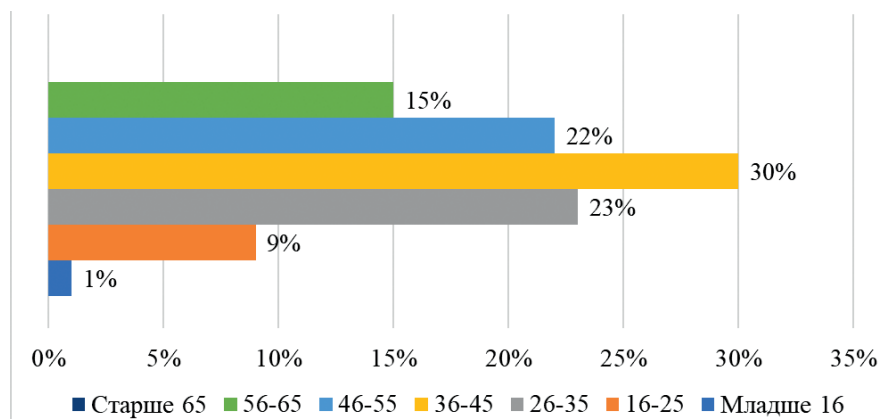

Рис. 2. Возрастные характеристики пользователей, вовлеченных в информационные потоки о событиях в Казахстане в январе 2022 г. (возрастная группа/% пользователей от общего числа вовлеченных)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

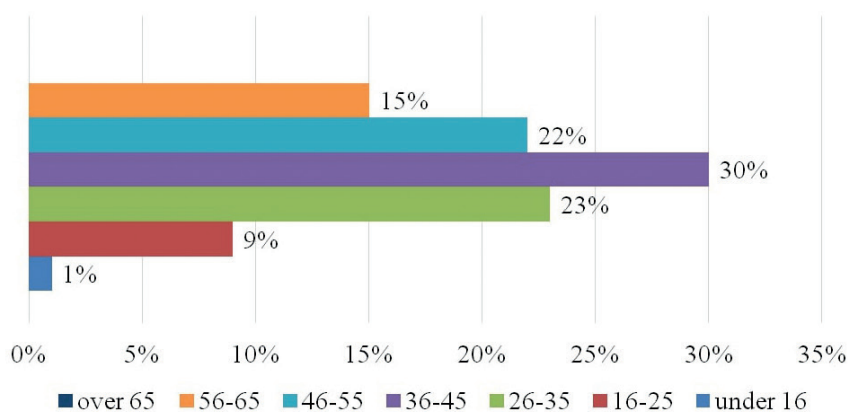

Fig. 2. Age characteristics of users involved in information flows about events in Kazakhstan in January 2022

Source: compiled by the authors based on research results.

По результатам когнитивного картирования удалось выявить содержательные особенности формирования российских информационных потоков вокруг протестных событий в Казахстане в январе 2022 г. Анализ тональности образа казахстанских событий показал, что в российских социальных медиа преобладающее число публикаций характеризовались нейтральной оценкой происшедших событий. Данный сегмент информационного потока был сосредоточен на новостном сопровождении происходящих событий. При этом преимущественно поддерживающую оценку, заключающуюся в поощрении действий граждан Казахстана, получают экономические и политические протесты, сопровождающиеся призывами брать пример с граждан Республики Казахстан. Критическую

оценку, построенную на недовольстве конкретными действиями или событиями, получили события, связанные с актами мародерства и перерастанием протестов в попытку государственного переворота, а также введение войск ОДКБ. Мародерство рассматривались как негативный сценарий развития событий, который не может стать основой становления демократического общества. Подключение ОДКБ к урегулированию ситуацию встретило массовую критику сообществ различных типов и было представлено как попытка вмешательства в суверенитет и независимость Казахстана (рис. 3).

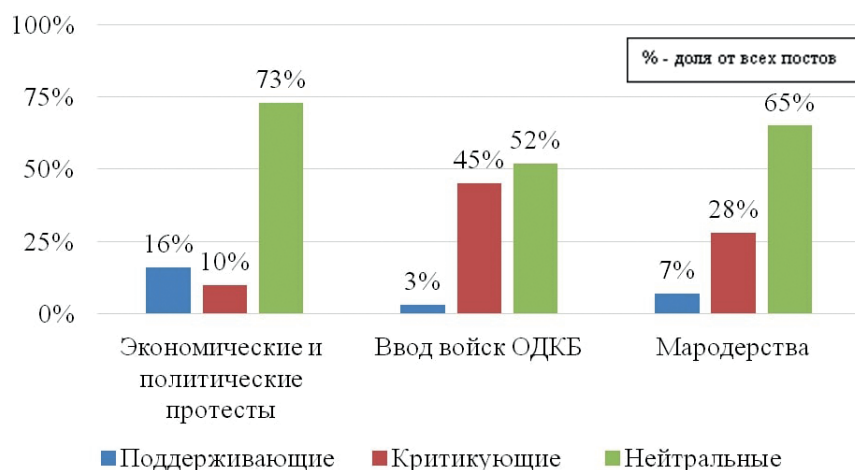

Рис. 3. Характеристика репрезентации событий в январе 2022 г. в Казахстане в российских сегментах социальных медиа (% от общего количества публикаций/триггер)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

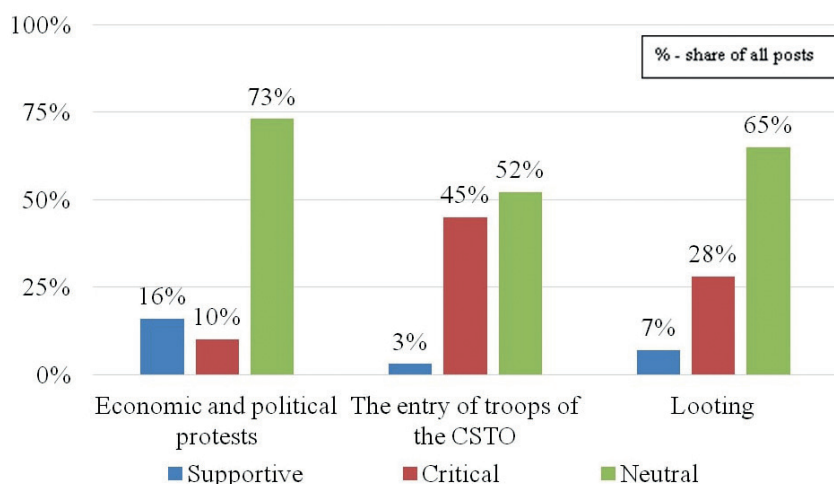

Fig. 3. Characteristics of the representation of events in January 2022 in Kazakhstan in the Russian segments of social media

Source: compiled by the authors based on research results.

Фактически параллельно казахстанским протестам в российском сегменте социальных медиа формируются три ключевые линии репрезентации.

Во-первых, экономические и политические протесты представляются как акт волеизъявления граждан Казахстана. Российские оппозиционные струк-

туры предпринимают попытку экстраполяции данных дискурсов на российскую действительность.

Во-вторых, критика мародерства, которая рассматривается как недопустимый путь к демократическому режиму. При этом критике подвергаются именно акты мародерства, а не попытки силовой смены руководства страны. Данные сюжеты нацелены на формирование установки неконвенционального протеста как одной из возможностей трансформации политической системы на постсоветском пространстве. Попытки противопоставить мирно протестующих граждан Республики Беларусь, которые не достигли существенных результатов по мнению оппозиции и казахстанцев, которые, применяя силовые методы, готовы менять политическую систему.

В-третьих, включение в стабилизацию ситуации войск ОДКБ. Данная линия репрезентации построена во многом на попытке представить Российскую Федерацию как страну, вмешивающуюся в деятельность суверенного государства под прикрытием международной организации вместо того, чтобы заниматься решением и урегулированием внутренних проблем. В рамках данного сюжета делался упор на аспекты международного права, внутренние проблемы, отсутствие юридических оснований для ОДКБ присутствовать там, а также развивался сюжет о потенциальном отделении части Казахстана в пользу России.

Как показали результаты когнитивного картирования, в поддерживающих протесты в Казахстане цифровых потоках преимущественно не были «подсвечены» неконвенциональная активность манифестующих, разрушенная инфраструктура, акты мародерства и грабежа. Основная задача, на решение которой было направлено данное информационное сопровождение, это демонстрация конвенциональной, мирной гражданской активности казахов как примера борьбы за свои социально-экономические и политические права (рис. 4).

Рис. 4. Содержательные характеристики информационных потоков о событиях в Казахстане в январе 2022 г. (% от общего количества публикаций/триггер)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

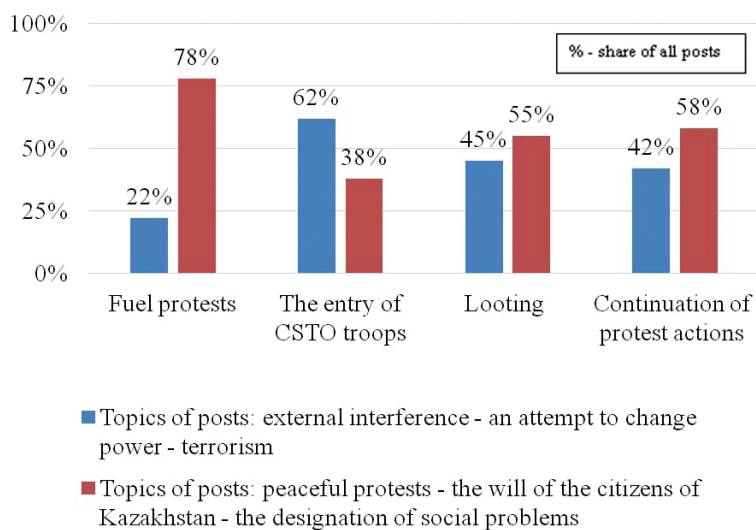

Fig. 4. Substantive characteristics of information flows about events in Kazakhstan in January 2022

Source: compiled by the authors based on research results.

При этом необходимо учитывать, что существенная часть потока в казахских цифровых сообществах и каналах формировалась на русском языке, что позволяло российским пользователям получать не только новостные сообщения, но и следить за развитием событий, а также получать инструкции к конкретным действиям в ситуациях несогласия с реализуемой органами власти политикой и подвергаться манипулятивному воздействию не только от российских сообществ, но и непосредственно от каналов — участников событий в Казахстане.

Российские контрэлиты, предпринявшие попытки по протестной мобилизации российских граждан, масштабно использовали технологию «заражения», которая реализовалась через распространение контента, призывающего повторить действия граждан Республики Казахстан. Кроме того, использовались политические триггеры, среди которых несменяемость власти и недемократичность политического режима в России. Модераторы подобного контента через применение технологии внушения и приемов дегуманизации, выражающегося в формировании контента, обесчеловечивающего представителей органов государственной власти и представителей правопорядка, и стереотипизации, заключающейся в оценке событий и акторов на основе определенных, ангажированных, стереотипных представлений, выгодных оппозиции, предпринимают попытку по мобилизации массовых протестов по казахстанскому сценарию. В Казахстане недовольство действующей властью Токаева и Назарбаева стало вторичным триггером протестной мобилизации, который использовался в социально-медийном пространстве Рунета через применение технологии заражения и приемов ценностного подчинения, нашедших выражение в распространении контента, наполненного «идеальными» ценностями, которые разделяются большинством и при это преподнесены с точки зрения выгоды для модераторов протестных информационных потоков, преследуя цель по формированию установки недовольства текущей ситуацией в контексте (рис. 5).

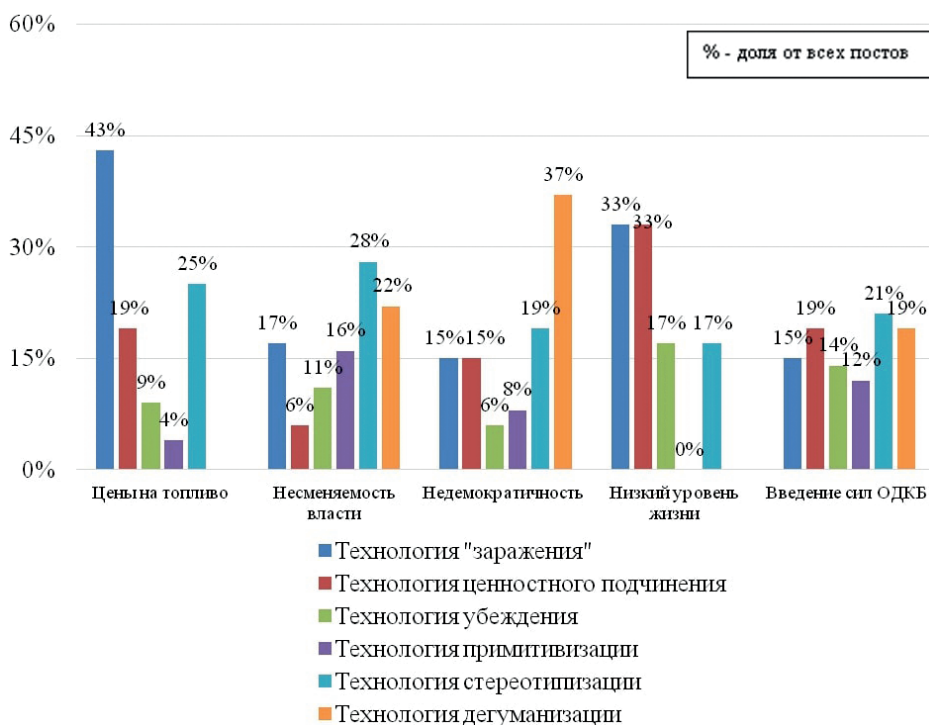

Рис. 5. Характеристика, применяемых триггеров протестной мобилизации о событиях в Казахстане в январе 2022 г. в российском сегменте социальных медиа (% от общего количества публикаций/триггер)

Источник: составлено авторами по результатам исследования

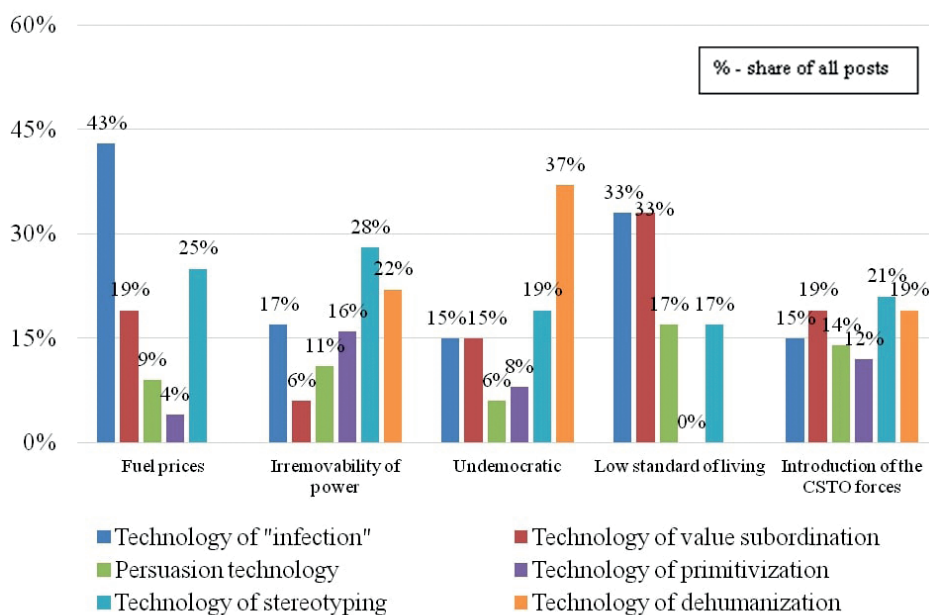

Fig. 5. Characteristics of the applied triggers of protest mobilization about the events in Kazakhstan in January 2022 in the Russian segment of social media

Source: compiled by the authors based on research results.

Содержательный анализ российского информационного потока о событиях в Казахстане демонстрирует масштабное использование сложившегося протестного инфополя для реализации протестной мобилизации российских пользователей социальных медиа. Для работы с различными социальными, возрастными, региональными группами использовался широкий пул триггеров, при этом основной акцент был сделан на политические и экономические дискурсы, которые актуальны не только для казахстанской аудитории, но и для россиян. В совокупности через применение технологий и приемов манипуляции была совершена попытка целого пула оппозиционных сообществ и лидеров мнений эскалации социальной напряженности, конечная цель которого заключается в масштабном распространении массовых протестов в регионах страны.

Заключение

По результатам прикладного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, можно констатировать, что интерес российской аудитории к событиям в Казахстане носил кратковременный характер и в основном был связан с эффектом неожиданности при сформированном предоставлении о политической стабильности и относительном благополучии в соседнем государстве. Наибольшую заинтересованность к происходящему продемонстрировали граничащие с Казахстаном регионы. Вовлеченность в информационном потоке о происходящих событиях во многом была связана с наличием/отсутствием угроз для России, а также сложившимися родственными связями.

Во-вторых, совокупность социальных и экономических триггеров во многом определила возрастные характеристики пользователей информационного потока, ядром которого стали взрослые россияне (36–45 лет). Отсутствие ярких кейсов, связанных с правами и свободами, во многом способствовало выключению из данной повестки существенной части российской молодежи в цифровой среде, что подкрепилось также и продолжающимися праздничными днями.

В-третьих, несмотря на преобладающее нейтральное освещение происшедших протестов, события, связанные с включением ОДКБ в урегулирование ситуации, были представлены с негативной точкой зрения, в то время как экономические и политические протесты получают позитивную оценку. Модераторы российского контента решали следующие задачи: 1) формирование лояльности мирным протестам, что выразилось в освещении первого этапа массовых акций, посвященных экономическим триггерам, и слабой репрезентации в цифровых потоках попытки госпереворота и мародерства; 2) формирование недоверия к действующим российским органам власти и проводимой им политике за счет дегуманизации действий ОДКБ и соотнесения ее активности исключительно с политикой РФ.

И наконец, в-четвертых, модераторы протестных информационных потоков через использование пула манипулятивных технологий предпри-

няли попытку по переложению казахстанских триггеров на российскую действительность. При этом отсутствие значимого национального события-триггера, консолидированных действий со стороны оппозиции, а также конкретных инструкций способствовало отсутствию офлайн протестной активности россиян.

Поступила в редакцию / Received: 20.02.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 01.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91.
- Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Еремин Е.А.* Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 1. С. 6–13.
- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Большие данные в политических исследованиях. М.: Московский педагогический государственный университет, 2018.
- Лукушин В.А., Давыдова М.А.* Практика использования TikTok как инструмента политической мобилизации // Интернет и современное общество: труды XXIV Международной объединенной научной конференции. Санкт-Петербург: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», 2021. С. 47–49.
- Дейк Ван Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.
- Andres M.-H.* Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism // Colombia Journal of International Affairs. 2017. P. 230–246.
- Boulliane S.* Revolution in the making? Social media effects across the globe Inf. // Information Communication and Society. 2017. No. 22. P. 1–16.
- Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Polity, 2015.
- Dalton R.J.* Cognitive Mobilization and Partisan Dealignment in Advanced Industrial Democracies // The Journal of Politics. 1984. No. 1. P. 264–284.
- Fairclough N.* Critical discourse analysis. L.: Longman, 1995.
- Harré R.* An outline of the social constructionist viewpoint // Scruton D., Harré, R. The social construction of emotions. 1986. P. 2–14. <http://doi.org/10.2307/3341379>
- Howard P.N.* The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam. London: Oxford University Press, 2010.
- Kahne J., Bowyer B.* The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // Political Communication. 2018. Vol. 35, P. 1–24.
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics. London, N. Y.: Verso. Second Edition, 2001.
- Sloam J.* Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union // The British Journal of Politics and International Relations. 2016. Vol. 18, P. 521–537.
- Theocharis Y.* The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media + Society. 2015. No. 2. С. 75–92.

References

- Akhremenko, A.S., Stukal, D.K., & Petrov, A.P. (2020). Network or text? Factors of protest dissemination in social media: theory and data analysis. *Polis. Political studies*, 2, 73–91. (In Russian).
- Andres, M.-H. (2017). Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism. *Colombia Journal of International Affairs*, 230–246.
- Boulliane, S. (2017). Revolution in the making? Social media effects across the globe. *Information Communication and Society*, 22, 1–16.
- Brodovskaya, E.V., Davydova, M.A., & Eremin, E.A. (2021). Prolonged political protests in Russia and in the Republic of Belarus in summer-autumn 2020: the reference of the Russian audience of social media. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 1, 6–13. (In Russian).
- Brodovskaya, E.V., & Dombrovskaya, A.Yu. (2018) *Big data in political research*. Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian).
- Castells, M. (2015). *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity.
- Dalton, R.J. (1984) Cognitive Mobilization and Partisan Dealignment in Advanced Industrial Democracies. *The Journal of Politics*, (1), 264–284.
- Dijk Van, T. (2013). *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. Moscow: Librocom. (In Russian). [Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Power*. New York: Palgrave Macmillan]
- Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis*. London: Longman.
- Harre, R. (1986) An outline of the social constructionist viewpoint. In D. Scruton & R. Harré, *The social construction of emotions*. 1986. P. 2–14. <http://doi.org/10.2307/3341379>
- Howard, P.N. (2010) *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam*. London: Oxford University Press.
- Kahne, J., & Bowyer, B. (2018). The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*, 35, 1–24.
- Laclau, E., & Mouffe, Ch. (2001). *Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso. Second Edition.
- Lukushin, V.A., & Davydova, M.A. The practice of using TikTok as a tool of political mobilization. *Internet and Modern Society: Proceedings of the XXIV International Joint Scientific Conference*. ITMO University, 2021. (In Russian).
- Sloam, J. (2016). Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union. *The British Journal of Politics and International Relations*, 18, 521–537.
- Theocharis, Y. (2015). The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*, (2), 75–92.

Сведения об авторах:

Бродовская Елена Викторовна — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: brodovskaya@inbox.ru) (ORCID: 0000-0001-5549-8107)

Парма Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: rvparma@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3413-4264)

Подрезов Константин Андреевич — кандидат политических наук, ректор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (e-mail: podrezov@tspu.ru) (ORCID: 0000-0003-1309-1784)

Давыдова Мария Александровна — лаборант-исследователь Центра политических исследований Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций

ций Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: marchikdavydova@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3377-7679)

About the authors:

Elena V. Brodovskaya — Doctor of Political Sciences, Senior Research Fellow in the Center for Political Studies of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: brodovskaya@inbox.ru) (ORCID: 0000-0001-5549-8107)

Roman V. Parma — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: rvparma@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3413-4264)

Konstantin A. Podrezov — PhD in Political Sciences, Rector at Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (e-mail: podrezov@tsput.ru) (ORCID: 0000-0003-1309-1784)

Maria A. Davydova — Research Assistant at the Center for Political Studies of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: marchikdavydova@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3377-7679)